

Слова евнуха Юань Бао повергли зал императорской аудиенции в оцепенение. Но стоило Ли Чжуну рухнуть на пол без чувств, как воцарившаяся тишина сменилась невообразимым шумом. И давние недруги, и верные соратники — все наперебой бросились выражать чиновнику притворную заботу. Мрачнее всех среди этой суматохи выглядел герцог Хань. На его лице отразились столь явный гнев и потрясение, что привычная маска благодушия дала трещину.

Кое-кто из генералов, годами воевавших на рубежах империи, не раз сталкивался с подобным на поле боя и знал, как вернуть человека к жизни. Один из военных решительно шагнул вперед и с силой впился ногтем в ложбинку над верхней губой Ли Чжуна. От резкой боли тот мгновенно распахнул глаза.

От потрясения у Ли Чжуна перехватило дыхание, а перед глазами все поплыло. И все же глубоко внутри он отчаянно боролся с беспамятством, понимая: падать в обморок надолго сейчас никак нельзя, иначе он упустит лучший момент для спасительной истерики. Именно поэтому он как мгновенно лишился чувств, так же быстро и пришел в себя.

Едва очнувшись, Ли Чжун пополз на коленях к самому подножию императорского трона. Лицо его заливали слезы, а в голосе сквозила напускная скорбь благородного мученика:

— Ваше Величество! Моя преданность престолу чиста и безгранична, небо и земля тому свидетели! Пусть за долгие годы службы старый слуга не раз ошибался, но дело свое исполнял истово, не смея ни на миг расслабиться. Если кто-то обвиняет меня во мздоимстве, я готов предстать перед судом Вашего Величества или Верховного суда, дабы доказать свою чистоту. Но наследник Хан Сиэнь! Без чинов, без высочайшего указа — как он посмел самовольно учинить обыск и разорить мое поместье? Это не просто глумление над старым чиновником, это дерзкое попрание воли государя и оскорбление величия Трона! Я — книжник, и пусть я стар и слаб, во мне живет гордость мужа науки. Я лучше приму смерть, но не потерплю подобного позора!

Ли Чжун плакал навзрыд, и его скорбный, надрывный плач задел за живое многих сановников. Герцог Хань выступил вперед и тоже опустился на колени перед троном, с глубокой горечью произнес:

— Ваше Величество, я виновен в том, что худо воспитал сына. Мальчишка осмелился действовать без высочайшего указа, творя произвол. Если мы закроем на это глаза, завтра каждый в империи решит, что волей государя можно пренебречь. Это семя будущей смуты. Молю Ваше Величество покарать виновного, пощады я не прошу.

Этими словами Хан Чжо фактически подписал сыну приговор. Ведь если Хан Сиэнь не найдет доказательств вины Ли Чжуна, оправдаться ему не удастся. Но даже если он найдет улики, обвинения герцога останутся в силе: неужели отныне при любом расследовании позволено крушить дома сановников без суда и следствия? Допустит закон подобное беззаконие, и от устоев государства не останется и следа.

Услышав слова герцога, один из цензоров тут же пал ниц и поспешил развить мысль об

опасности самоуправства молодого человека:

— Ваше Величество! Герцог Хань зрит в самый корень. Даже если господин Ли действительно виновен во взяточничестве, сие требует расследования по вашему прямому указу, а не самоуправных погромов. Наследник Хан Сиэнь проявил вопиющее высокомерие, выказав презрение и к законам Поднебесной, и к особе Вашего Величества!

Император безмолвно восседал на драконьем троне. Сперва на его лице читалось явное ошеломление, и лишь под немолчный гул придворных споров государь, казалось, наконец осознал масштаб произошедшего. Доводы советников были справедливы: безумный поступок юноши действительно создавал опаснейший прецедент.

Государь резко поднялся с трона. Сперва он участливо спросил Ли Чжуна, не прислать ли к нему придворного лекаря, однако тот лишь скорбно покачал головой. Тогда император устремил яростный взгляд на евнуха Юань Бао и отрывисто приказал:

— Немедленно катись отсюда и доставь Хан Сиэня во дворец!

Юань Бао торопливо поклонился, но перед тем как побежать исполнять приказ, вспомнил о недавней гостье. Он вновь склонился и прошептал:

— Ваше Величество, у входа в зал все еще ожидает окружная княжна Ань.

Император глубоко вздохнул, сиюсь сдержать раздражение, и бросил:

— Впусти ее.

Только тогда евнух облегченно перевел дух, поспешно поднялся на ноги и поспешил к дверям, чтобы пригласить Ши Жуй войти.

Оказавшись в тронном зале, Ши Жуй с порога рухнула на колени и разрыдалась. Захлебываясь слезами, она принялась живописать, сколь нагл и безумен был Хан Сиэнь, как он попрал величие императорского дома, и слезно умоляла государя восстановить справедливость и защитить ее вместе с кланом Ли.

От этого визгливого плача у императора запульсировала жилка на виске. Он так крепко сжал кулаки, что пальцы побелели. Будь смутьян сейчас здесь, государь, не задумываясь, придушил бы его собственными руками.

Именно в этот момент бури и криков в зал с докладом вернулся заместитель командующего Гао Фэн. Император, едва сдерживавший ярость, услышав о прибытии гвардейца, рывкнул:

— Пусть катится сюда!

Сам Гао Фэн пребывал в отличном расположении духа. Обычный гвардеец без весомой поддержки и связей, он никогда не надеялся совершить нечто выдающееся. И то, что ему посчастливилось поучаствовать в деле Хан Сиэня, казалось ему невероятным подарком судьбы.

Шагнув за порог, он застал в зале полнейший беспорядок: окружная княжна Ань и Ли Чжун безутешно рыдали, остальные придворные удрученно вздыхали. Поняв, что виной всему жалобы разгневанной княжны, Гао Фэн не придавал этому особого значения.

Однако едва он опустился на колени, даже не успев открыть рта, как сверху обрушился громоподобный окрик разгневанного владыки:

— Разве я давал указ громить поместье Ли?! Я велел помочь Хан Сиэню найти доказательства мздоимства, а не устраивать самовольный погром! Где этот паршивец?! — император в ярости ударил ладонью по резному подлокотнику драконьего трона.

У Гао Фэна от этого рева екнуло сердце, а вся былая радость мигом улетучилась. Сжавшись от страха, он заговорил едва слышно:

— Ваше... Ваше Величество! Наследник Хан обнаружил в поместье Ли тайник с несметными богатствами. Денег там столько, что у нас просто не хватило людей, чтобы доставить все во дворец. Господин Хан велел мне немедленно вернуться и умолять Ваше Величество прислать подмогу с повозками для перевозки серебра. Сам же он остался охранять сокровищницу, опасаясь, что кто-то попытается воспользоваться суматохой и похитить ценности.

Стоило ему умолкнуть, как в тронном зале воцарилась мертвая тишина, тяжелая и давящая, словно в склепе.

Склонив голову до самого пола, гвардеец чувствовал, как по спине пробежал ледяной сквозняк, а на лбу выступил холодный пот. Мысленно он уже клял Хан Сиэня и корил себя за излишнюю поспешность. Тот ведь уверял, что отправляет его во дворец за наградой! Но глядя на перекошенные лица вокруг, Гао Фэн понимал: наградой здесь и не пахнет, скорее уж пахнет плахой.

Наконец до его ушей донесся тихий, растерянный голос императора, словно тот никак не мог поверить услышанному:

— Ты утверждаешь... что Хан Сиэнь нашел в поместье Ли краденую казну? Да еще в таком объеме, что мне нужно посылать за ней телеги?

Не понимая, радоваться ему или трепетать, Гао Фэн без утайки выложил все: и как нелепо, по чистой случайности Хан Сиэнь наткнулся на потайной механизм, и как выглядел сам

подземный чертог. В завершение он неуверенно добавил:

— По оценкам господина Хана, одного только серебра и ценных бумаг там наберется не меньше нескольких миллионов лянгов. И это не считая ларей, набитых редчайшими драгоценностями.

И хотя рассказ о том, при каких нелепых обстоятельствах был найден скрытый рычаг, звучал забавно, ни одна живая душа в зале не посмела даже улыбнуться. Ли Чжун, глядя на потемневшее, точно грозовая туча, лицо государя, затрясся мелкой дрожью и мгновенно забыл, как нужно плакать.

Старый лис и помыслить не мог, что хитроумный замок, над чертежами которого трудились лучшие мастера, будет вскрыт столь нелепым образом. Представив, какое богатство сейчас находится в руках гвардейцев и какой ураган императорского гнева обрушится на его голову, Ли Чжун проклял тот миг, когда очнулся от обморока. Уж лучше бы он испустил дух прямо здесь, на холодном полу.

— Несколько миллионов лянгов?.. — негромко повторил император, будто примеряя эти слова на слух и силясь осознать их истинный вес. Спрашивал ли он себя или робкого гвардейца — разобрать было трудно.

Гао Фэн, выложивший все до последней капли, лишь молча уставился в пол, не смея издать ни звука.

И вдруг государь рассмеялся. От этого сухого, резкого смеха у Гао Фэна по коже побежали мурашки. Так и не уяснив, милость это или скрытая угроза, он мысленно попрощался со своей головой.

Но если простой гвардеец пребывал в неведении, то старый интриган Ли Чжун прекрасно понял, чем пахнет этот смех. Собрав последние силы, он подполз ближе к трону и принялся неистово биться лбом о плиты. На сей раз слезы его были самыми что ни на есть настоящими:

— Ваше Величество, пощадите! Смилуйтесь, Ваше Величество!

Император сверху вниз посмотрел на него ледяным взглядом и произнес с убийственным спокойствием:

— У господина Ли в закромах хранятся миллионы? Половина годовой казны всей империи? И это ты называешь преданностью, о которой свидетельствовали небо и земля? Из-за этого ты готов был принять смерть, лишь бы избежать позора? — государь издал короткий, ядовитый смешок и резко повернулся к Гао Фэну: — Слушай мой указ! Немедленно возьми пятьсот гвардейцев, отправляйся в поместье Ли и доставь все это серебро во дворец. Пусть наши верные министры своими глазами увидят твою «чистоту». Весь клан Ли взять под стражу. В случае малейшего сопротивления — казнить на месте. А Хан Сиэню вели немедленно явиться

ко мне.

У Гао Фэна наконец отлегло от сердца. Поспешно выдохнув «Слушаюсь!», он поднялся на затекшие ноги и покинул залу, стараясь не выдать охватившей его слабости.

Хан Сизнь вернулся во дворец не с пустыми руками. Он прихватил с собой несколько сундуков с наиболее примечательной добычей: ларец с драгоценностями, сундук, доверху набитый кредитными билетами, короб с чистым серебром и даже коллекцию изысканных расписных вееров, коих, пожалуй, не видывал и сам император. Но главным трофеем стал младший сын хозяина усадьбы, Ли Юй, которого стража выволокла напрямик из постели в веселом Павильоне Ста Цветов.

Когда гвардеец швырнул Ли Юя на пол тронного зала, тот являл собой жалкое зрелище: одежда растерзана, разит дешевым вином, а лицо и шея густо измазаны женскими белилами и румянами вперемешку с удушливым запахом благовоний. Он тупо озирался по сторонам, явно не понимая, где находится и почему вокруг столько грозных людей.

При виде этого ничтожества император брезгливо поморщился. Но не успел он произнести и слова, как стоявшая на коленях Ши Жуй взбесилась. Вспыхнув от ярости при виде распутного жениха, она подскочила на месте и с кулаками набросилась на Ли Юя. Осыпая его ударами и проклятиями за бесстыдство, она колотила его без жалости. Тот не смел дать сдачи, лишь жалобно скулил и пытался увернуться, пока наконец не укрылся за спиной опешившего старого цензора, наотрез отказавшись выходить наружу.

Наблюдая за этим бесчинством, государь окончательно потерял терпение:

— Дерзость! Помни свой статус, уездная княжна! Где твоя девичья скромность и манеры? Ты возомнила, что императорский совет — это задний двор твоей усадьбы?!

Впервые Ши Жуй видела императора в таком гневе. Сердце ее ушло в пятки; мгновенно оставив беглого жениха в покое, она безропотно опустилась на колени.

Окинув взглядом Хан Сизня и принесенные им сундуки, правитель ледяным тоном спросил:

— Хан Сизнь, признаешь ли ты свою вину?

Молодой человек ответил с безупречной вежливостью:

— Разумеется, Ваше Величество. Мое самоуправство и обыск в доме чиновника без высочайшего повеления — поступок в высшей степени дерзкий.

— Подобное самоуправство карается смертью, тебе ли того не знать?! — гневно воскликнул император. Его злила дерзость юноши, но еще сильнее удручала мысль о прецеденте. — Если

каждый в империи начнет подражать твоим безумствам, то грош цена будет моему слову!

Ему искренне хотелось посмотреть, как этот невыносимый юнец попытается выпутаться из смертельной ловушки, в которую сам себя загнал.

Хан Сиэнь остался совершенно безучастен к этой разыгранной перед ним драме. Он прекрасно понимал, что император тайно ликует, заполучив огромные богатства, и лишь для виду напускает на себя строгость.

— Мой поступок действительно заслуживает плахи, — спокойно отозвался юноша. — Но, во-первых, я не сводил личные счеты и не причинил вреда домочадцам Ли Чжуна. Во-вторых, я шел на этот шаг осознанно: не найди я сокровищницу, я бы безропотно подставил шею под топор, дабы искупить вину перед оклеветанным чиновником. Я поставил на кон собственную жизнь, а глупцов, готовых рискнуть головой ради торжества справедливости, в Поднебесной немного. Стало быть, дурной пример вряд ли найдет подражателей. К тому же я прекрасно понимаю: даже сейчас, когда неопровержимые улики у нас в руках, закон есть закон. По вашей великой милости меня могут избавить от смертной казни, но сурового наказания мне все равно не избежать.

После столь хладнокровной и безжалостной исповеди в зале суда вновь установилась тишина. Наглость и одновременно убийственная логика обвиняемого лишили придворных дара речи.

Император долго всматривался в бледное, равнодушное к смерти лицо юноши, а затем перевел тяжелый взгляд на его отца:

— Герцог Хань, как, по-твоему, мне следует поступить с твоим сыном?

Хан Чжо на мгновение замер, после чего глухо произнес:

— Сто ударов тяжелыми плетями. Я лично приведу приговор в исполнение.

— Я категорически против, — едва отец умолк, спокойно и без малейших колебаний возразил Хан Сиэнь.

<http://bllate.org/book/20088/2001990>